
— Ты где сейчас обитаешь? Всё там же, на улице Шицзи? — поинтересовался Лян Жуйси.

Он помнил, что после выпуска Чжоу Янь собирался вернуться в Наньши и устроиться на госслужбу. Но, говорят, чиновничья рутина быстро ему наскучила: не проработав и полугода, он вернулся в Хайчэн, устроился в известную адвокатскую контору и снял квартиру на улице Шицзи.

После того Нового года они виделись лишь однажды. Жуйси сам вытащил его на встречу, но Чжоу Янь выглядел откровенно измождённым.

Лян Жуйси мог его понять: в Хайчэне и без того бешеная конкуренция, а у них за плечами был только бакалавриат. И пусть Чжоу Янь в Университете F возглавлял студсовет юрфака, в крупной фирме ценят исключительно практическую хватку: умеешь ли грамотно составить иск, справишься ли с аналитикой, договоришься ли с клиентом и есть ли у тебя собственная клиентская база. Именно от этого зависит, закрепится ли новичок в профессии.

Тогда, во время встречи, от Чжоу Яня разило холодным отчуждением. Казалось, завал на работе не оставлял ему сил даже на элементарные приятельские отношения: он молчал, а всем своим видом буквально излучал немое предупреждение: «Без крайней нужды меня лучше не беспокоить».

Сам Жуйси аккурат перед теми новогодними праздниками потерял близкого человека и потом почти целый год пребывал в глубоком трауре и унынии.

Общение сошло на нет. Позже они, конечно, пересекались — то случайно на улице перебросятся парой фраз, то на общих студенческих посиделках, куда их вытаскивали однокурсники. Так что в памяти Жуйси Чжоу Янь всё ещё жил на улице Шицзи. А если он и правда до сих пор там, то до Второй больницы Линчжоу оттуда путь неблизкий.

— Нет, перебрался в район парка Линьшань, — ответил Чжоу Янь.

Жуйси прикинул в уме: до парка отсюда километров шесть-семь, его собственный дом и то ближе. Впрочем, Чжоу Янь за рулём, а для человека с машиной это не расстояние.

Ехал Чжоу Янь на «Вольво». В четыре утра эстакады Хайчэна пустовали, так что до места они домчались минут за десять. Когда машина свернула в подземный паркинг площади Шиян, Жуйси удивлённо вскинул брови:

— Ничего себе! Ты живёшь в таком элитном комплексе?

— Нет, просто держу здесь машину, — коротко пояснил Чжоу Янь.

Они вышли через заднюю дверь парковки, миновали узкий переулок и оказались в старом, довольно обветшалом жилом квартале.

В свете фонарей мокрый асфальт казался необычно мягким. Шаги отзывались тихим шорохом, а в воздухе пахло сырой весенней землей, создавая странное ощущение нереальности происходящего. В представлении Жуйси Чжоу Янь должен был жить в совсем ином месте.

Впрочем, из-за болезни и слабости сил разглядывать окрестности не было, поэтому Жуйси просто покорно плёлся следом. Они бесшумно поднялись на второй этаж, дошли до самого конца коридора, где Чжоу Янь звякнул ключами и тихо сказал:

— Заходи.

В прихожей царил темнота. Из квартиры навстречу им дохнуло тонким ароматом жасмина. Жуйси принюхался и недоуменно пробормотал:

— Чем это у тебя так вкусно пахнет?

Чжоу Янь на мгновение замер, ничего не ответив, и щёлкнул выключателем.

Жуйси зажмурился от резкого света. Внутри царил идеальная чистота, разительно отличавшаяся от мрачного подъезда. Отделка совсем не походила на ремонт в старых домах — всё было выдержано в лаконичном... как там бишь этот стиль называется? Чайный столик?.. Точно, ваби-саби! Это мудрёное японское слово Чжоу Янь в студенческие годы объяснял ему раз пять, пока тот наконец не запомнил.

Квартирка на вид была скромной — квадратов сорок-пятьдесят, но, как говорится, мала, да удала: и кухня, и совмещённый санузел, и гостиная. Дверь в спальню стояла настежь, так что вся планировка просматривалась прямо от порога.

Гостиную хозяин явно приспособил под кабинет. На журнальном столике из массива дерева лежали рабочие бумаги, а на ковре аккуратными стопками возвышались фолианты по юриспруденции. Несмотря на такую вольность, беспорядка не чувствовалось — отсутствие лишних вещей придавало интерьеру особый, строгий академический уют.

В общежитии Чжоу Янь вёл себя точно так же. Пока остальные парни заплывали бытовой небрежностью, его кровать всегда была заправлена с армейской точностью, а письменный стол оставался самым чистым. Он страстно любил читать и ежемесячно заказывал стопки книг, для которых под кроватью припрятал три больших контейнера. При этом он никогда не делал пометки на полях — к выпуску все тома сохранили первозданный вид, и он просто раздал их младшим курсам.

Глядя на эту обстановку, Жуйси окончательно узнал почерк хозяина.

— И во сколько обходится аренда такого местечка? — с живым интересом спросил он.

Район парка Линьшань считался самым сердцем района Аньнин — рядом пересадочный узел сразу трёх линий метро. Пусть дом и старый, а квартира небольшая, ценник тут явно кусался.

— Однокомнатные тут, кажется, тысяч по шесть-семь? Точно не скажу, — ответил Чжоу Янь, пока Жуйси озирался по сторонам. Он уже успел сходить на кухню и теперь протягивал другу стакан с горячей водой, чтобы тот согрел руки.

— А? Разве ты её не снимаешь? — Жуйси сделал глоток, прищурившись от приятного тепла, разлившегося по телу.

— Я её купил.

— Купил?! — Жуйси едва не поперхнулся водой.

— Угу.

—...И во сколько встала?

— Чуть больше двух миллионов. — Чжоу Янь произнёс это с такой небрежностью, словно речь шла о двухстах юанях.

— Сам купил?! — Жуйси отказывался верить своим ушам. С текущими ограничениями приедем взять жильё в Хайчэне почти нереально! Да и откуда у него такие деньги — два миллиона?!

— Да, — спокойно подтвердил Чжоу Янь. — В прошлом году через «Иньтянь» оформил местную прописку. Но коллективная прописка — вещь ненадёжная, мало ли что изменится. Цены тогда были приемлемые, вот я и занял у знакомых на первоначальный взнос. — Он обвёл взглядом комнату. — Долги к началу года закрыл, так что теперь осталась только ипотека. Пока перебуюсь здесь.

Он говорил об этом как о чём-то совершенно обыденном, отчего Жуйси окончательно усомнился в реальности происходящего.

«Иньтянь» — та самая юридическая фирма, куда Чжоу Янь устроился по возвращении в Хайчэн. В том, что с его талантами он выбил квоту на прописку, ничего удивительного не было. Но за какие-то два с половиной года не просто прописаться и купить квартиру, а ещё и, как недавно обмолвился Вэй Жань, открыть собственное дело вместе с партнёрами... Разве обычный человек на такое способен?!

— То есть в Наньши ты возвращаться не собираешься? — Жуйси всё ещё смотрел на него с немного заторможенным видом. — У тебя же там родители?

Ранее из разговоров Сяо Чжи и Чжоу Янь он уловил кое-какие детали о его семье. Лян Жуйси не любил лезть в чужую личную жизнь, но общую картину себе представлял.

— Не хочу, — Чжоу Янь явственно дал понять, что продолжать эту тему не намеревается. — А о будущем подумаем позже.

Бросив эту фразу, он ушёл в спальню, оставив Жуйси переваривать услышанное.

Пока Чжоу Янь чем-то шуршал в комнате, Жуйси, судорожно сжимая стакан с водой, успел сочинить целую мелодраму:

«Чжоу Янь залезает в долги, цепляется за Хайчэн и покупает жильё ради брака с Сяо Чжи, а та не желает впрягаться в быт, находит себе местного богатея и жестоко бросает беднягу...»

— О чём задумался? — Чжоу Янь снова вырос перед ним и что-то протянул.

Присмотревшись, Жуйси смутился: в руках у друга были мужские трусы.

Заметив его замешательство, Чжоу Янь усмехнулся:

— Что, собираешься прыгать ко мне в кровать с голой пятой точкой?

У Жуйси вспыхнули уши. Он быстро выхватил бельё, а Чжоу Янь невзначай добавил:

— Новые.

«...Блядь. Раньше сказать не мог?!»

— Э-э... мы что, на одной кровати спать будем? — Жуйси с трусами в кулаке несмело заглянул в спальню.

— Непривычно? — сквозь шум воды отозвался из ванной Чжоу Янь. — В универе ты ко мне в постель чуть ли не каждый день забирался, хотя там и метра ширины не было. И ничего, не жаловался, что тесно... А на этой троиш таких, как ты, уложить можно.

— Ну-у... — И то правда, кровать тут под два метра шириной. Кто бы мог подумать, что Чжоу Янь один спит на таком аэродроме!

И всё же после долгой разлуки сходу валиться в одну постель было как-то неловко.

Пока Жуйси мялся на пороге, из ванной вышел Чжоу Янь. Окинув его критическим взглядом с головы до ног, он с явным недовольством бросил:

— Худой-то какой.

—...???

— Полотенце на раковине, — проигнорировав его ошарашенный вид, Чжоу Янь прошёл мимо.

— Умывайся и дуй спать.

Когда Жуйси закончил с водными процедурами, постель уже была расстелена. Чжоу Янь переоделся в свободную пижаму, а для гостя приготовил точно такой же комплект, только другого цвета. В этот раз Жуйси не стал уточнять про новизну вещи: просто отвернулся, скинул спортивный костюм и быстро натянул пижаму.

Опустившись на матрас, он снова уловил тот самый тонкий жасминовый аромат.

Возможно, до этого нос просто привык, но сейчас запах проявился отчётливее. В нём чудилось что-то до боли знакомое... словно в далёком детстве, в родном доме, так пахло от... тётушки?

Мысль казалась дикой: тётя жила за тысячи километров отсюда, откуда здесь её запах?

Жуйси уткнулся носом в подушку и сделал глубокий вдох. По правде говоря, это был не чистый жасмин — к нему примешивался едва уловимый шлейф мыльного корня.

Наверное, Чжоу Янь пользуется стиральным порошком с отдушкой?

Найдя логичное объяснение, Жуйси успокоился. Он лёг ровно, чинно сложил руки на груди и, уставившись в потолок, позвал:

— Чжоу Янь...

— М-м?

— На самом деле я тебя прекрасно понимаю, — Жуйси намеренно смягчил голос, намереваясь выдать порцию сочувствия. — Смотри: меня ведь тоже только что бросили, да ещё и бывшая усомнилась в моей... кхм, мужской состоятельности. До гастрита меня довели, заразы! Но уж в чём-чём, а в расставаниях у меня опыта поболее твоего. Поначалу, конечно, накрывает — кажется, что всё бессмысленно, руки опускаются и жить не хочется... Но ты не смей сдаваться.

Поверь мне, это пройдёт.

—...

— И вообще, у тебя привычка дерьмовая — всё держать в себе. В студенчестве ты вроде не был таким букой, а сейчас от тебя веет каким-то пенсионным унынием, будто тебе под семьдесят...

—???

— Нельзя давить в себе эмоции, их нужно выпускать наружу, понял? А то заболеть недолго. Вот я, когда паршиво, всегда пою... О, кстати! Ты прямо вылитый герой песни «Не скажу»!

Жуйси без стеснения мурлыкнул под нос:

— «Не то чтоб не болит, не то чтоб не скорблю... Лишь то, что некрасиво, вслух не говорю...»

Голос у него был чистый и приятный, так что Чжоу Янь даже дышать стал тише.

Напев куплет, Жуйси повернулся к нему:

— Эй, ты че молчишь?

Он попытался ткнуть его в плечо, но Чжоу Янь перехватил его запястье прямо в воздухе.

На мгновение между ними повисла пауза. Затем Чжоу Янь вернул его руку на место, заботливо подтянул одеяло до самого подбородка и тихо произнёс:

— Впервые вижу человека, у которого после капельницы столько энергии. Скоро рассвет, спи давай.

С этими словами он тянулся через него и щёлкнул выключателем бра над его изголовьем.

Прежде чем спальня погрузилась во тьму, Жуйси успел заметить: на лице Чжоу Яня не было и тени тоски.

Он совершенно точно улыбался.